“ADOLAT”
MILLIY HUQUQIY AXBOROT MARKAZI
Guvohnoma № 636478
Litsenziya C-5669732

“HUQUQ va BURCH+” —
«ПРАВО и ДОЛГ+» —
"RIGHT and DUTY+"
Journal home page:
https://adolatmarkazi.uz/magazine/electron?id=393

2026-yil
10-son
oktabr
ISSN 3093-8546

Консульская защита граждан в условиях вооружённых конфликтов и массовых миграционных кризисов: пределы обязательств государства

Гавхержан Юлдашева,
доктор юридических наук (DSc), профессор сектора международного права и прав человека
Ташкентского государственного юридического университета
e-mail: yuldashevag1958@gmail.com

Аннотация. Maqolada qurolli to‘qnashuvlar va ommaviy migratsiya inqirozlari sharoitida davlatning o‘z fuqarolariga nisbatan konsullik himoyasi bo‘yicha majburiyatlarining xalqaro huquqiy mazmuni va chegaralari tahlil qilinadi. Konsullik yordami, diplomatik himoya va evakuatsiya institutlari farqlanadi, 1963-yilgi Konsullik munosabatlari to‘g‘risidagi Vena konvensiyasi, Xalqaro huquq komissiyasining 2006-yilgi loyiha moddalari, xalqaro va milliy sudlar amaliyoti o‘rganiladi. Davlat majburiyati natija majburiyati emas, balki ehtiyotkorlik va xatti-harakat majburiyati sifatida talqin etilishi asoslanadi, uning shaxsiy, hududiy, faktik va inson huquqlari bilan bog‘liq chegaralari ko‘rsatiladi. O‘zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 23-moddasi, Konsullik nizomining 32-moddasi hamda “Mehr” insonparvarlik operatsiyalari amaliyoti tahlil qilinib, milliy qonunchilikni takomillashtirish bo‘yicha takliflar beriladi.

Калит сўзлар. konsullik himoyasi, diplomatik himoya, fuqarolarni evakuatsiya qilish, qurolli to‘qnashuv, migratsiya inqirozi, ehtiyotkorlik majburiyati, Konsullik nizomi, repatriatsiya.

Аннотация. В статье анализируется международно-правовое содержание и пределы обязательств государства по консульской защите своих граждан в условиях вооружённых конфликтов и массовых миграционных кризисов. Разграничиваются институты консульской помощи, дипломатической защиты и эвакуации, исследуются Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года, проект статей Комиссии международного права о дипломатической защите 2006 года, практика международных и национальных судов. Обосновывается, что обязательство государства представляет собой обязательство поведения и должной осмотрительности, а не обязательство достижения результата, выявляются его личные, территориальные, фактические и связанные с правами человека пределы. На примере статьи 23 Конституции Республики Узбекистан, статьи 32 Консульского устава и гуманитарных операций «Мехр» формулируются предложения по совершенствованию национального законодательства.

Ключевые слова. консульская защита, дипломатическая защита, эвакуация граждан, вооружённый конфликт, миграционный кризис, должная осмотрительность, Консульский устав, репатриация.

Annotation. The article analyses the international legal content and the limits of a State's obligations to provide consular protection to its nationals during armed conflicts and mass migration crises. It distinguishes consular assistance, diplomatic protection and evacuation, and examines the 1963 Vienna Convention on Consular Relations, the 2006 draft articles of the International Law Commission on diplomatic protection, and the case law of international and national courts. The author argues that the State's obligation is one of conduct and due diligence rather than of result, and identifies its personal, territorial, factual and human rights limits. Article 23 of the Constitution of the Republic of Uzbekistan, Article 32 of the Consular Charter and the humanitarian operations “Mehr” are used to formulate proposals for improving national legislation.

Keywords. consular protection, diplomatic protection, evacuation of nationals, armed conflict, migration crisis, due diligence, Consular Charter, repatriation.

Введение. Вооружённые конфликты и кризисы массового перемещения населения последних лет с особой остротой поставили вопрос о том, что именно государство обязано сделать для своих граждан, оказавшихся за рубежом в момент резкого ухудшения обстановки. События в Ливии, Йемене, Украине, Судане и на Ближнем Востоке показали, что тысячи людей одновременно нуждаются в информации, документах, транспорте и безопасном выезде, а консульские учреждения нередко сами работают в условиях угрозы, сокращённого штата и закрытого воздушного пространства. Для Республики Узбекистан, значительная часть граждан которой находится за границей в связи с трудовой миграцией, обучением и временным пребыванием, проблема имеет не только теоретическое, но и прямое практическое значение. По сообщению Министерства иностранных дел, к 12 марта 2022 г. из Украины было эвакуировано более 5,6 тыс. граждан Узбекистана [1].

Центральный вопрос настоящего исследования сформулирован в заглавии: каковы пределы обязательств государства по консульской защите своих граждан в условиях вооружённых конфликтов и массовых миграционных кризисов. Ответ не сводится к утверждению о наличии или отсутствии «обязанности эвакуировать». Он требует различать несколько уровней: обязательства, прямо закреплённые в международных договорах; обязательства, вытекающие из прав человека; обязательства, установленные национальным правом; и, наконец, сложившиеся практики, которые пока не приобрели характера обычной нормы. Методологическую основу составили формально-юридический и сравнительно-правовой анализ договорных норм, решений международных судов и высших национальных судов, а также доктринальных положений. Структура работы построена от понятий к

источникам, затем к пределам обязательств и национальной практике Узбекистана.

Консульская помощь, дипломатическая защита и эвакуация: необходимость разграничения. Любой разговор о пределах обязательств начинается с терминологии, поскольку в обиходе, а иногда и в документах, консульская помощь, дипломатическая защита и эвакуация смешиваются. Между тем это разные институты с разной правовой природой. Консульская помощь опирается на Венскую конвенцию о консульских сношениях 1963 г., которая относит к консульским функциям защиту интересов государства отправления и его граждан в пределах, допускаемых международным правом (ст. 5, п. «a»), помощь и содействие гражданам (п. «e»), а также представительство граждан в судах и иных органах государства пребывания (п. «i») [2]. Эти функции осуществляются в обычное время, не требуют нарушения международного права со стороны другого государства и не зависят от исчерпания местных средств правовой защиты.

Дипломатическая защита, напротив, определяется в проекте статей Комиссии международного права ООН 2006 г. как обращение государства к ответственности другого государства за международно-противоправное деяние, причинившее вред его гражданину, с использованием дипломатических действий или иных средств мирного урегулирования (ст. 1) [3]. Для её осуществления необходимы противоправное деяние, гражданство потерпевшего и, как правило, исчерпание внутренних средств правовой защиты. В российской доктрине справедливо отмечается, что именно эти условия отличают дипломатическую защиту от иных форм содействия гражданам [4]. Грань между консульским содействием, демаршами и собственно дипломатической защитой на практике тонка и подвижна [5], а развитие консульской деятельности привело к формированию так называемой консульской дипломатии, в которой работа с кризисами занимает всё более заметное место [6].

Для вопроса о пределах обязательств это различие имеет решающее значение. При вооружённом конфликте или массовом кризисе вред гражданам, как правило, причиняется не противоправным деянием определённого государства, а самой ситуацией боевых действий, хаоса или отсутствия государственной власти. Поэтому модель дипломатической защиты здесь неприменима, и государство действует в логике консульской и гуманитарной помощи. Эвакуация, в свою очередь, не выделена в Венской конвенции 1963 г. в качестве самостоятельной функции. Она выводится из общей формулы помощи и содействия гражданам (ст. 5, п. «e») и из заключительного положения о выполнении иных функций, возложенных государством (ст. 5, п. «m») [2; 7]. Различия между институтами представлены в таблице 1.

Международно-правовая основа: что гарантируют универсальные нормы. Венская конвенция 1963 г. остаётся ядром регулирования, но её положения о вооружённых конфликтах касаются главным образом самого консульского учреждения. Статья 26 обязывает государство пребывания даже в случае вооружённого конфликта предоставить льготы и облегчения, необходимые для скорейшего выезда консульских должностных лиц, не являющихся его гражданами, и членов их семей, а

статья 27 требует от государства пребывания, в случае разрыва консульских сношений, уважать и охранять консульские помещения, имущество и архивы [2]. Аналогичные нормы закреплены в статьях 44 и 45 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. [11; 12]. Иными словами, эти положения защищают представителей государства и его имущество, но не создают общего режима выезда гражданского населения.

Статья 36 Венской конвенции 1963 г. закрепляет свободу сношений консульского должностного лица с гражданами своего государства и право на уведомление и доступ в случае задержания. Международный Суд ООН в деле «ЛаГранд» признал, что эта статья создаёт индивидуальные права, которыми могут ссылаться как государство отправления, так и задержанное лицо [13, п.77], и подтвердил этот вывод в деле «Авена» [14]. Значение этих решений для рассматриваемой темы состоит в том, что они, во-первых, подтверждают реальную юридическую силу консульских гарантий, а во-вторых, показывают, чьи именно обязанности они устанавливают: это обязанности государства пребывания или задержания, а не государства гражданства. Государство гражданства вправе использовать консульские возможности, но международное право не обязывает его добиваться конкретного результата.

Международное гуманитарное право учитывает проблему иностранцев в зоне конфликта лишь частично. Статья 35 Женевской конвенции о защите гражданского населения 1949 г. предоставляет защищённым лицам, находящимся на территории стороны в конфликте, право покинуть её, если их отъезд не противоречит национальным интересам этого государства [15]. Вместе с тем статья 4 той же Конвенции исключает из числа защищённых лиц граждан нейтральных и союзных государств, пока их государство имеет нормальное дипломатическое представительство в государстве, на территории которого они находятся [15]. Тем самым право исходит из презумпции, что защита таких лиц обеспечивается их собственным государством через дипломатические и консульские каналы. Это подчёркивает значение консульских механизмов, но одновременно не превращает их использование в обязанность.

Нормы о правах человека дают более твёрдую опору в отношении возвращения. Пункт 4 статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах гарантирует, что никто не может быть произвольно лишён права въезда в свою собственную страну [9], а Комитет по правам человека толкует понятие «своя страна» шире формального гражданства [16]. Узбекистан является участником Пакта, а статья 23 Конституции 2023 г. гарантирует защиту и покровительство гражданам как на территории страны, так и за её пределами [10]. Наконец, существуют документы мягкого права. Глобальный договор о миграции 2018 г. включает цель 14 об усилении консульской защиты, помощи и сотрудничества на протяжении всего миграционного цикла [17], а Руководящие принципы MICIC 2016 г. содержат практические ориентиры по подготовке к кризисам, реагированию на них и действиям после кризиса [18]. Эти акты не создают обязательств, но формируют стандарт ожидаемого поведения.

Существует ли обязанность защитить и эвакуировать? Позитивное международное право не знает общей обязанности государства осуществлять дипломатическую защиту или эвакуировать своих граждан. В комментарии к статье 2 проекта 2006 г. Комиссия международного права прямо указала, что государство не обязано осуществлять дипломатическую защиту, хотя внутреннее право может возлагать на него такую обязанность [3]. Международный Суд ещё в деле «Барселона Трэкшн» отметил, что в пределах, установленных международным правом, государство вправе осуществлять защиту любыми средствами и в любом объёме по своему усмотрению, поскольку оно реализует собственное право, а не право частного лица [19, п.78]. При этом статья 19 проекта рекомендует государствам уделять должное внимание возможности осуществления защиты, особенно когда причинён серьёзный вред, учитывать мнение пострадавших и передавать им полученное возмещение [3]. Это норма рекомендательного характера, но она задаёт вектор: усмотрение не должно быть произвольным.

Национальная судебная практика подтверждает и эту оговорку, и пределы усмотрения. Федеральный конституционный суд Германии в деле Гесса (1980 г.) признал, что государство обладает широким пространством для решения вопроса о защите гражданина за рубежом, но не вправе действовать произвольно [20]. Апелляционный суд Англии и Уэльса в деле «Аббаси» (2002 г.) отказался вынести предписание о конкретных мерах, однако признал правомерным ожидание гражданина, что его обращение будет рассмотрено, и допустил судебный контроль по критериям рациональности и процедурной корректности [21]. Конституционный суд Южной Африки в деле «Каунда» (2004 г.) исходил из того, что государство должно рассматривать просьбы граждан о защите добросовестно и рационально, но выбор конкретных мер относится к исполнительной власти [22]. Верховный суд Канады в деле «Хадр» (2010 г.) констатировал нарушение прав заявителя, но ограничился декларацией, оставив выбор способа реагирования правительству в силу его компетенции в сфере внешней политики [23].

Конституционные нормы также не превращают защиту в право на конкретный результат. Часть 2 статьи 61 Конституции России гарантирует гражданам защиту и покровительство за пределами страны [24], статья 36 Конституции Польши закрепляет право гражданина на опеку государства во время пребывания за границей [25], а статья 23 Конституции Узбекистана содержит аналогичную гарантию [10]. Во всех случаях речь идёт о гарантии, адресованной государству как обязанность принять решение и действовать добросовестно, но не о гарантии определённого способа или исхода защиты. Общий вывод из сопоставления состоит в том, что формируется обязательство поведения: рассмотреть обращение, принять разумные доступные меры, не действовать произвольно и, как будет показано ниже, мотивировать отказ.

Пределы обязательств государства. Если обязательство носит характер должной осмотрительности, его границы определяются несколькими группами факторов. Их удобно разделить на личные, территориальные, фактические, связанные с правами человека, и специфические для миграционных кризисов.

Личные пределы. Объём консульской защиты определяется связью лица с государством. Международный Суд в деле «Ноттебом» подчеркнул значение реальной и эффективной связи, лежащей в основе гражданства [26, С.23]. Проект 2006 г. решает вопрос о множественном гражданстве так: государство гражданства может осуществлять защиту против третьего государства, но против другого государства гражданства лишь тогда, когда гражданство первого является преобладающим на момент причинения вреда и предъявления претензии [3]. Для консульской помощи в кризисе столь строгий подход не обязателен, однако он показывает, что обязательство в отношении лиц с двумя гражданствами, оказавшихся на территории второго государства гражданства, практически ограничено: защищать от этого государства по существу невозможно. Отдельную проблему составляют лица без гражданства и беженцы, для которых статья 8 проекта допускает защиту со стороны государства их обычного и законного проживания [3; 27]. Страны Европейского союза пошли дальше, распространив на граждан Союза, не имеющих представительства своего государства в третьей стране, право на консульскую защиту со стороны других государств-членов [28]. Что касается Узбекистана, то статья 32 Консульского устава в части эвакуации адресована гражданам Республики Узбекистан, а члены их семей, не имеющие узбекского гражданства, в тексте этой статьи прямо не названы [8].

Территориальные пределы. Консульские функции осуществляются «в пределах, допускаемых международным правом», и в соответствии с законами государства пребывания (ст. 5, п. «а», ст. 36, п. 2 Конвенции 1963 г.), а осуществление функций от имени третьего государства требует согласия государства пребывания (ст. 8) [2]. Эвакуация гражданских лиц организуется через воздушное пространство, наземные границы и порты, и потому зависит от согласия территориального государства и транзитных стран. Попытки осуществить эвакуацию без такого согласия, тем более с применением вооружённой силы, вступают в коллизию с принципом запрета силы, закреплённым в статье 2 (п. 4) Устава ООН [29], а доктрина «защиты граждан за границей» остаётся предметом острой полемики. Кроме того, Международный Суд в деле о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране указал на обязанность государства пребывания защищать консульские помещения и персонал [30], но не вывел отсюда права государства гражданства на одностороннее вмешательство. Следовательно, потенциальный объём обязательства ограничен тем, что допускает суверенитет территориального государства.

Фактические пределы. Обязательство должной осмотрительности по определению не требует невозможного. Государство оценивается по тому, какие меры оно приняло с учётом известных ему рисков и имевшихся возможностей: заранее ли организован консульский учёт, предупреждены ли граждане о рисках, обеспечена ли связь, был ли план действий на случай чрезвычайной ситуации, сохранена ли безопасность собственных сотрудников. Консульский учёт граждан, предусмотренный статьёй 16 Консульского устава Узбекистана, выполняет в этом смысле функцию основы для оценки реальных возможностей реагирования [8].

Значимыми факторами остаются также приоритетность помощи наиболее уязвимым (детям, больным, пожилым людям) и расходы на эвакуацию. Узбекское законодательство, в частности статья 20 Консульского устава, допускает оказание финансовой помощи для возвращения лица, оставшегося без средств, на условиях последующего возмещения [8].

Пределы, связанные с правами человека. В последние годы в практике международных органов обозначился вопрос о том, может ли государство нести позитивные обязательства по репатриации граждан из зон конфликта. Европейский суд по правам человека в деле «М.Н. и другие против Бельгии» (2020 г.) отказался признать юрисдикцию Бельгии над сирийскими заявителями, обращавшимися за визами в посольство в Бейруте, поскольку один лишь консульский контакт не создаёт юрисдикционной связи [31]. Иначе обстояло дело в отношении собственных граждан государства. В деле «Х.Ф. и другие против Франции» (2022 г.) Большая палата не признала общего права на репатриацию и подтвердила, что выбор мер остаётся за государством, но установила нарушение пункта 2 статьи 3 Протокола № 4 к Европейской конвенции, поскольку отказы французских властей не были мотивированы и не подвергались независимой проверке; вместе с тем в исключительных обстоятельствах отказ в репатриации может влечь позитивные обязательства государства [32]. Комитет ООН по правам ребёнка в решении по делу «Л.Х. и другие против Франции» (2020 г.) признал, что Франция осуществляет юрисдикцию в отношении детей в лагерях на северо-востоке Сирии, поскольку она как государство гражданства способна защитить их права, а лагеря контролируются негосударственным образованием, не имеющим для этого средств [33]. О соотношении гражданства, контроля и юрисдикции подробно пишет М. Милановик [34]. Узбекистан не является участником Европейской конвенции, поэтому названные решения имеют для него значение лишь убедительного ориентира, однако выводы Комитета ООН по правам ребёнка основаны на конвенции, участником которой Узбекистан является.

Из этой практики следует асимметрия: обязанность допустить возвращение гражданина (она опирается на право на въезд в свою страну) значительно твёрже, чем обязанность организовать его вывоз. Государство, которое не вправе отказать гражданину во въезде, не обязано, однако, самостоятельно проводить операцию по его извлечению из зоны конфликта. Дополнительное процессуальное требование, формирующееся в практике, состоит в том, чтобы решение по обращению было мотивировано и могло быть проверено независимым органом.

Миграционные кризисы. Массовые миграционные кризисы обладают двумя измерениями, которые следует разграничивать. Первое относится к гражданам государства, застигнутым кризисом за рубежом: здесь действуют описанные выше консульские механизмы. Второе касается массового притока иностранцев в государство, где принцип недопустимости принудительного возвращения и режимы временной защиты, например режим, введённый Союзом для лиц, перемещённых из Украины в 2022 г. [35], создают обязательства уже не консульского, а общего характера. Эти измерения пересекаются, когда граждане одного

государства оказываются в числе беженцев в третьей стране. Тогда консульские учреждения должны обеспечить идентификацию, выдачу документов, связь с семьями и возвращение, а в кризисной обстановке повышается риск торговли людьми, чему соответствует обязанность консульского должностного лица содействовать возвращению жертв (ст. 21 Консульского устава) [8]. Значительная часть этих задач имеет рекомендательное обеспечение в акте о миграции и в принципах MICIC [17; 18], а в отношении граждан без представительства своего государства допустима консульская помощь со стороны другого государства по согласованию с государством пребывания [2; 36].

Узбекская практика и законодательство. Правовую основу защиты граждан за рубежом в Узбекистане составляют Конституция и Консульский устав. Статья 23 Конституции гарантирует защиту и покровительство гражданам как на территории республики, так и за её пределами, а статья 15 определяет место международных договоров в правовой системе, устанавливая приоритет договорных норм над нормами закона в случае расхождения [10]. Консульский устав, утверждённый Законом от 17 января 2019 г. № ЗРУ-517 и применяемый с учётом последующих изменений, закрепляет обязанность консульского должностного лица принимать меры к восстановлению нарушенных прав граждан (ст. 15), вести их консульский учёт (ст. 16), оказывать содействие при задержании (ст. 23) и жертвам торговли людьми (ст. 21) [8].

Наиболее важна для темы статья 32 Консульского устава, посвящённая обеспечению безопасности граждан при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, вооружённых конфликтах, массовых беспорядках и террористических актах. Консульское должностное лицо обязано своевременно информировать Министерство иностранных дел о гражданах, оказавшихся в зоне бедствия (ч. 1), принимать меры по обеспечению их безопасности при возникновении или угрозе возникновения таких ситуаций (ч. 2) и, «в случае необходимости», предпринимать меры по организации эвакуации в ближайшую безопасную зону или обеспечению возвращения в республику, а также по отправке тел погибших (ч. 3) [8]. Анализ формулировок позволяет сделать два вывода. Во-первых, обязанность информировать и принимать меры является императивной, тогда как организация эвакуации ставится в зависимость от необходимости, то есть носит оценочный характер. Во-вторых, предмет обязательства сформулирован как «меры по организации», то есть как обязательство поведения, а не результата. Такая конструкция в целом соответствует международному стандарту, описанному выше.

Практика Узбекистана показывает, что государство нередко действует шире минимально необходимого. Гуманитарные операции «Мехр», проведённые с мая 2019 г., были направлены на возвращение граждан, главным образом женщин и детей, из зон конфликта в Сирии, Ираке и Афганистане. Первая операция, 30 мая 2019 г., позволила вернуть 156 человек, а по официальным данным общее число возвращённых превысило 530 человек, около трёх четвертей из которых составили дети [37]. В такой практике отражено конституционное обязательство защиты, а также международные обязательства в области прав ребёнка.

Одновременно следует трезво оценивать правовое значение этих операций. Они представляют собой акты политического и гуманитарного решения, а не исполнение формализованной обязанности, и пока не свидетельствуют о появлении обычной нормы, поскольку для этого необходимо убеждение государств в юридической обязательности такой практики.

Анализ законодательства выявляет несколько пробелов. Консульский устав не устанавливает критериев принятия решения об эвакуации и не содержит приоритетов для наиболее уязвимых категорий, не определяет порядка реагирования при отсутствии консульского учреждения в стране кризиса, не регулирует положение членов семей, не имеющих узбекского гражданства, и прямо не указывает на мотивированность и обжалуемость решения об отказе в организации эвакуации или репатриации. Отдельного внимания заслуживает вопрос о возмещении расходов: статья 20 касается лиц, оставшихся без средств, но не определяет режима расходов при массовой эвакуации.

Выводы и предложения. Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, общее международное право не возлагает на государство обязанности эвакуировать или репатриировать своих граждан из зон конфликта: консульские функции сформулированы как функции, дипломатическая защита остаётся правом государства, а нормы о правах человека гарантируют скорее допуск гражданина на территорию, чем его вывоз. Во-вторых, это не означает правового вакуума. Формируется обязательство поведения и должной осмотрительности, содержание которого включает консульский учёт, информирование, разумное планирование, рассмотрение обращений и недопустимость произвола. В-третьих, пределы такого обязательства определяются связью лица с государством, суверенитетом территориального государства, фактическими возможностями и безопасностью персонала, а также обязательствами в области прав человека.

С учётом этого предлагаются следующие меры. На международном уровне целесообразно разработать при участии Комиссии международного права и Генеральной Ассамблеи ООН рекомендательные принципы консульской помощи в кризисных ситуациях, развивающие цель 14 Глобального договора о миграции и принципы MICIC и фиксирующие стандарт должной осмотрительности. На двустороннем уровне Республике Узбекистан следует включать в консульские конвенции и соглашения положения о взаимной помощи гражданам другой стороны в странах, где она не имеет представительства.

На национальном уровне предлагается дополнить Консульский устав, либо принять подзаконный акт Кабинета Министров, устанавливающий порядок организации эвакуации и репатриации. Этот акт должен определять критерии принятия решения, категории приоритетной помощи, порядок взаимодействия Министерства иностранных дел с иными государственными органами, правила возмещения расходов и положение членов семей граждан, не обладающих узбекским гражданством. Целесообразно прямо закрепить обязанность

мотивировать отказ в организации эвакуации или репатриации и право обжаловать его, что соответствует международным стандартам, выработанным судами. Такие изменения усилят правовую определённость, не превращая консульскую защиту в обязательство достижения результата, которое государство не способно гарантировать.

Список литературы:

1. Uzbekistan evacuated over 5,600 citizens from Ukraine // Kun.uz. 12.03.2022. URL: https://m.kun.uz/en/news/2022/03/12/uzbekistan-evacuated-over-5600-citizens-from-ukraine

2. Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. // United Nations Treaty Series. Vol. 596. P. 261. (Vienna Convention on Consular Relations, 24 April 1963, 596 UNTS 261.)

3. Проект статей о дипломатической защите с комментариями. Комиссия международного права ООН, 2006 г. // Yearbook of the International Law Commission. 2006. Vol. II, Part Two. Принят к сведению резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 62/67 от 6 декабря 2007 г. (Draft articles on Diplomatic Protection with commentaries. International Law Commission, 2006.)

4. Абашидзе А.Х., Ильяшевич М.В. Дипломатическая защита в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2015. № 2. С. 52-62. (Abashidze A.Kh., Ilyashevich M.V. Diplomatic protection in contemporary international law // Moscow Journal of International Law. 2015. No. 2. P. 52-62.)

5. Vermeer-Künzli A. Exercising Diplomatic Protection: The Fine Line between Litigation, Demarches and Consular Assistance // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 2006. Vol. 66. P. 321-350.

6. Okano-Heijmans M. Change in Consular Assistance and the Emergence of Consular Diplomacy // Melissen J., Fernández A.M. (eds.). Consular Affairs and Diplomacy. Leiden: Martinus Nijhoff, 2011. P. 21-41.

7. Lee L.T., Quigley J. Consular Law and Practice. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2008.

8. Закон Республики Узбекистан от 17 января 2019 г. № ЗРУ-517 «Об утверждении Консульского устава Республики Узбекистан». URL: https://lex.uz/acts/4167688 (Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-517 of 17 January 2019 "On approval of the Consular Charter of the Republic of Uzbekistan".)

9. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // United Nations Treaty Series. Vol. 999. P. 171. (International Covenant on Civil and Political Rights, 16 December 1966, 999 UNTS 171.)

10. Конституция Республики Узбекистан (принята на референдуме 30 апреля 2023 г., вступила в силу 1 мая 2023 г.). URL: https://lex.uz/docs/6445145 (Constitution of the Republic of Uzbekistan, adopted by referendum on 30 April 2023.)

11. Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. // United Nations Treaty Series. Vol. 500. P. 95. (Vienna Convention on Diplomatic Relations, 18 April 1961, 500 UNTS 95.)

12. Denza E. Diplomatic Law: Commentary on the Vienna Convention on Diplomatic Relations. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2016.

13. LaGrand (Germany v. United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2001. P. 466.

14. Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2004. P. 12.

15. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // United Nations Treaty Series. Vol. 75. P. 287. (Geneva Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War, 12 August 1949, 75 UNTS 287.)

16. Замечание общего порядка № 27 (1999) Комитета ООН по правам человека о свободе передвижения. UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.9. (General Comment No. 27 (1999), Human Rights Committee, Freedom of movement.)

17. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/195 от 19 декабря 2018 г. (Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. UN General Assembly resolution A/RES/73/195, 19 December 2018.)

18. Руководящие принципы защиты мигрантов в странах, переживающих конфликт или стихийное бедствие. Инициатива MICIC, 2016. (Guidelines to Protect Migrants in Countries Experiencing Conflict or Natural Disaster. Migrants in Countries in Crisis Initiative, 2016. 133 p.)

19. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain), Judgment, I.C.J. Reports 1970. P. 3.

20. Решение Федерального конституционного суда Германии от 16 декабря 1980 г., 2 BvR 419/80, BVerfGE 55, 349 (дело Гесса). (Judgment of the German Federal Constitutional Court of 16 December 1980, 2 BvR 419/80, BVerfGE 55, 349 (Hess case).)

21. Abbasi and Another v. Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs [2002] EWCA Civ 1598 (England and Wales Court of Appeal, Civil Division).

22. Kaunda and Others v. President of the Republic of South Africa and Others [2004] ZACC 5 (Constitutional Court of South Africa).

23. Canada (Prime Minister) v. Khadr, 2010 SCC 3, [2010] 1 S.C.R. 44 (Supreme Court of Canada).

24. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (Constitution of the Russian Federation of 12 December 1993.)

25. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. (Constitution of the Republic of Poland of 2 April 1997.)

26. Nottebohm Case (Liechtenstein v. Guatemala), Second Phase, Judgment, I.C.J. Reports 1955. P. 4.

27. Goodwin-Gill G.S., McAdam J., Dunlop E. The Refugee in International Law. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2021.

28. Директива Совета (ЕС) 2015/637 от 20 апреля 2015 г. о мерах по координации и сотрудничеству в целях облегчения консульской защиты граждан Союза, не имеющих представительства в третьих странах // Official Journal of the European Union. 2015. L 106. P. 1. (Council Directive (EU) 2015/637 of 20 April 2015 on the coordination and cooperation measures to facilitate consular protection for unrepresented citizens of the Union in third countries.)

29. Устав Организации Объединённых Наций от 26 июня 1945 г. (Charter of the United Nations, 26 June 1945, 1 UNTS XVI.)

30. United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran), Judgment, I.C.J. Reports 1980. P. 3.

31. M.N. and Others v. Belgium [GC] (dec.), no. 3599/18, European Court of Human Rights, 5 May 2020.

32. H.F. and Others v. France [GC], nos. 24384/19 and 44234/20, European Court of Human Rights, 14 September 2022.

33. Комитет ООН по правам ребёнка. Решение о приемлемости по сообщениям L.H. и др. против Франции, 30 сентября 2020 г., UN Docs. CRC/C/85/D/79/2019 and CRC/C/85/D/109/2019. (UN Committee on the Rights of the Child. Decision on admissibility, L.H. and Others v. France, 30 September 2020.)

34. Milanovic M. Extraterritorial Application of Human Rights Treaties: Law, Principles, and Policy. Oxford: Oxford University Press, 2011.

35. Имплементационное решение Совета (ЕС) 2022/382 от 4 марта 2022 г. об установлении факта массового притока перемещённых лиц из Украины // Official Journal of the European Union. 2022. L 71. P. 1. (Council Implementing Decision (EU) 2022/382 of 4 March 2022 establishing the existence of a mass influx of displaced persons from Ukraine.)

36. Павлюк А.В., Рязанцев А.А. Международные правовые акты, регулирующие консульскую защиту граждан // Пробелы в российском законодательстве. 2019. Т. 12. № 6. С. 203-206. (Pavlyuk A.V., Ryazantsev A.A. International legal acts related to consular protection of citizens // Gaps in Russian Legislation. 2019. Vol. 12. No. 6. P. 203-206.)

37. Узбекская модель реабилитации: итоги семи лет гуманитарных операций «Мехр» // Посольство Республики Узбекистан в Исламской Республике Пакистан. URL: https://pakistan.mfa.uz/en/news/the-uzbek-model-of-rehabilitation-seven-years-of-mehr-humanitarian-operations (The “Uzbek Model” of Rehabilitation: Seven Years of “Mehr” Humanitarian Operations.)